

Г 2005

482 к2

Рассказы о
БИЯХ

Рассказы о БИЯХ

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
АСТАНА АКАДЕМИК КИТАПХАНАСЫ
ИЖОБАНАМА АКАДЕМИКОВКА БІЛІМДІК
РЕСПУБЛИКА ҚАЗАҚСТАН

АНАХПАТІХ

“АУДАРМА” БАСПАСЫ
АСТАНА – 2004

ББК 84 Каз 7-44
Р 24

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Рассказы о биях.

Р 24 Составление и перевод Г. Бельгера.
Астана: Аударма, 2004. - 192 с.

ISBN 9965-18-092-x

В книгу вошли сохранившиеся в памяти народа рассказы и легенды о трех великих казахских биях – Толе би, Казыбек би и Айтеке би.

В историческом сознании казахов они воспринимаются как триединая святыня, как неразрывное единство народного Духа, как воплощение духовной субстанции Казахстана. Они жили и творили в конце XVII и в начале XVIII века. Их мудрые назидания и сентенции народ сберег в своей памяти как сокровище.

Р4702250201
00(05) - 7(

ББК 84 Каз И/-44

ISBN 9965-18-092-x

© Бельгер Г., 2004
© Издательство «Аударма», 2004
© ООХКГ Казахстана, 2004

"Мы знаем имена трех великих сынов народа, трех славных мудрецов — Толе би, сына Алибека, Казыбека би, сына Келдибека, и Айтеке би, сына Байбека. Они стали для казахов непреходящим символом единства, их страстные речи овладели умами потомков, как изречения священных книг. Их исторические заслуги перед казахским народом, их значимость в нашей истории невозможно переоценить. И в том, что мы сохранились как народ, что дали имя суверенному государству, что водрузили нынче знамя независимости, в том, что на священной земле предков проживаем в благополучии, мире и согласии, мы, нынешнее поколение казахов, всецело обязаны им и низко склоняем головы перед их бессмертной благословенной памятью".

*(Нурсултан НАЗАРБАЕВ.
Из речи на Ордабасы 28 мая 1993 г.)*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

До сих пор бытует расхожее мнение, будто кочевники — аморфная, инертная масса, которая без смысла и толка металась столетиями из края в край "киргиз-кайсацкой степи", сталкиваясь и перемешиваясь с другими племенами, диковинными гогами-магогами, плодясь и умирая под синим куполом небес, на огромном пространстве, не оставляя после себя ни памяти, ни следов.

Увы, так нас учили.

На многое у нас открываются глаза только ныне, после обретения Казахстаном выстраданной независимости.

Лишенный в течение веков письменности, зафиксированной печатно историей, архива, надежной личной документации, кочевник придавал исключительное значение родовой памяти, родословному древу по отцовской и материнской линиям, знанию семейных и родственных уз, устной шежере — летописи, закреплённой, запечатлённой в преданиях, легендах, притчах, фольклоре — батырских дастанах-поэмах и религиозных киссах-сказах и т.д. Именно в них заключены история, душа, ментальность народа, и пренебрежительное, высокомерное отношение к этому кладёзю культуры по меньшей мере неразумно или кощунственно.

Помнить следует постоянно и о особенном, культовом отношении номадов к СЛОВУ — отточенному, ассоциативному, яркому, афористичному, организованному по канонам высокой риторики. Казах воспитан на культивированном, поэтическом слове, оно вошло в его кровь и плоть, он знает цену ему, неизменно восторгается словом самобытным, незатёртым, с подтекстом и намеками, уместным, попадающим точно в цель, сражающим наповал, вдохновляющим на подвиги, запоминающимся, как наскальная надпись.

Все сказанное выше имеет прямое отношение к казахским биям и в особенности к трём великим биям — Толе, Казыбеку и Айтеке. В народном сознании их упоминают вместе, в неразрывном единстве, в четкой последовательности — именно так, канонически — Толе би, сын Алибека, Казыбек би (Гусиногослый), сын Келдибека, и Айтеке би, сын Байбека.

При всей общности взглядов и политических устремлений каждый из них, представляя определённый жуз — Большой, Средний и Малый, отличался своей индивидуальностью, личным характером и пристрастием, темпераментом, жизнью, деяниями и судьбой.

Биев в казахской степи было немало. Но бий бию рознь. Разные бывали бии — шешенны, так сказать, меег-

ного масштаба, племенного калибра, доморощенные краснобай, банальные рифмоплеты, любители "красных словес", хотя просто так, по желанию и прихоти аульных аксакалов, никого бием не называли. Шокан Уалиханов свидетельствует: "Чтобы приобрести имя бия, пужно было киргизу не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность".

Ну, а эти трое — Толе, Казыбек и Айтеке — духовные гиганты, всем биям бии. Они были признанными верховными биями трех огромных жузов, сумевшие сплотить разрозненный народ в самый трагичный, ответственный период судьбоносной истории и четко определить — говоря нынешним языком — стратегический путь народа на грядущие века. В этом их непреходящая заслуга. В этом исторический пафос их деяний. И именно поэтому воздастся им поныне благодарная память потомков.

Три бия в историческом сознании казахов воспринимаются как святые, как неразрывное единство народного Духа, как воплощение духовной субстанции Казахии. Их мудрые назидания и сентенции народ сберег в своей памяти как сокровище.

Переводить их своеобразный речестрой на другие языки очень сложно. Иногда немисливо. Ибо переводчик все время сталкивается с иной ментальностью, иным мироощущением и духоустройством. Трудность заключается в адекватной передаче гармонии содержания и формы. Приходится поневоле жертвовать или тем, или другим.

Мною давно руководит намерение дать русскоязычному читателю посильное представление о великих казахских биях, изложив по-русски их назидания, изречения, поучения, притчи и речевые обороты. Сознаю, на этом пути меня подстерегают немало преград. Но сказано: "Кто начал, тот уже сделал полдела". Дерзнул начать. Я перечитал уйму книг, сборников, исследований, газетных и журнальных статей на эту тему, проникся духом шешенского речестроя. Оригиналы для перевода я взял в основном из книг:

- "Үш пайғамбар", Алматы, 1992;
- "Қазақтың жүз шешені", Алматы, год издания не указан, составитель Торекулулы Нысанбек;
- "Айтеке би", Алматы, "Атамұра", 1998, составители Г.Бельгер и М.Акдаулетулы;
- "Древний мир права казахов", Алматы, "Жеті жарғы", 2001, под редакцией акад. С.З.Зиманова.

Дотошных читателей, желающих сверять перевод, отсылаю к этим источникам.

Герольд БЕЛЬГЕР

ТОЛЕ БИ (1663–1756)

"Толе би вышел из древнего казахского этнического объединения Уйсун, а в нем из поколения Дулат. По разным источникам, он родился и провел молодые и последние годы жизни вблизи Ташкента, в местностях Каракамыс, Акбурхан, ставших фактически династическими имениями. На его воспитание и становление значительное влияние оказала семейная традиция, вобравшая мировоззрение и культуру тюрков Великой Степи. Его родословное берет начало от легендарного Майкы бия, его достойного потомка Бактияр бия, о котором в народе говорили: "Сөз бастап кетсе – шешен, ел бастап кетсе – көсем" – "Начнет говорить – трибун, начнет руководить народом – вождь".

По воле отца мальчик Толе с пяти лет пустился в учебу – разъезжал по регионам степи, вначале с отцом, а затем в роли "қосшы бала," – "приставного воспитанника" при опытных биях. Он быстро набирался знаний и в освоении истории, словесности и правовой культуры народа, показывал раннюю зрелость. С девяти лет, под испытующим оком своих наставников, принимал участие в судебных разбирательствах и в вынесении судебных решений. В 15 лет Толе становится на самостоятельный путь судьбы-бия. Успешно проходит испытание, своеобразную аккредитацию у "старцев-мудрецов", получает их "бата" – благословение. Такого рода испытание он, в частности, прошел у знаменитого в Степи ученого-старца, столетнего Анет-баба".

(Акад. С.З.Зиманов "Древний мир права казахов", т. I, Алматы, "Жеті жарғы", 2001, с. 110)

* * *

В возрасте девяти лет Толе как-то навестил восьмидесятилетнего прославленного бия Жетеса. Погостил Толе у старого мудреца два-три дня, как приличествует обычаю, и собрался было в обратный путь. Жетес би на прощании дал гостю свое благословение-бата. А, поблагословив, в конце сказал:

— Сын мой, выкладывай напоследок свою заветную просьбу. Как мох камень лежащий покрывает, так благословение джигита украшает. Гляди: не пожалей потом в пути, желание заветное не утай и на дедушку обиду не держи. Раскрой душу: что хотел бы еще от меня иметь?

Тогда Толе сказал:

— О, многодостойный ата! Одарите конем — он может околеть, дадите шубу — она может истлеть. Позвольте попросить вас о том, что не изорвется, не износится.

Жетес би вострепнулся:

— Достохвально, сын мой! Говори!

Толе продолжал:

— Если каждое десятилетие представить крутым перевалом на жизненном пути, то с чем бы вы сопоставляли эти перевалы?

И Жетес би ответил:

— Когда мне исполнилось десять лет — я предался играм-забавам до самозабвения. Когда стукнуло мне двадцать — я подрос, окреп, а от шалостей былых не избавился. С годами научился восхищаться мудрыми речами, презирать дурные и пустые слова, обряжать себя в яркие одежки, ястребком налетать на девок-молодок, соколом обрушиваться на врага. В тридцать рыжим горным лисом обернулся, от ловкой гончей уходил, от зоркого беркута уклонялся, друзей-ровесников ублажал. В сорок — устали не знал, конем крылатым скакал, с горных высей орлиный клеткот издавал, все, что имел, щедро раздавал. В пятьдесят взобрался на хребет крутого перевала, и то, что за горизонтом, меня не смущало, и богатство-добро не прельщало. В шестьдесят очутился на перекрестке шести дорог и оказался на распутии, не ведая, что вблизи, что вдали. И вот добрел до семи десятков лет и осознал, что в проигрыше кругом: передал вожжи правления сыну и снохе, стал послушным и покорным, смиренным и покладни-

стым. Дожил до восьмидесяти и убедился: справа — огонь, слева — вода, позади — утес, впереди — обрыв, куда ни повернусь — жизни конец, тупик.

* * *

Славный Карасай батыр приехал однажды в гости к отцу Толе Алибеку и заночевал у него. Во время долгой задушевной беседы старый батыр Карасай обратил внимание на пятилетнего сына хозяина, подозвал мальчика к себе, погладил по головке и сказал:

— Подрастешь, сынок, помяни мои слова, — станешь бием трех казахских жузов. Меня к тому времени уже не будет. И однажды черные тучи соберутся над головой моего младшенького Кушеке, злые люди его оклеветают, и тогда ты выручишь его своим справедливым судом.

Как в воду глядел мудрый батыр.

Когда Толе бию исполнилось пятьдесят и он, как и предсказал некогда батыр Карасай, стал надежной опорой народа, в ауле Кушеке случилась беда: в какой-то стычке погиб жигит из соседнего рода и за него потребовали большой кун — мзду. Кушеке клялся и божился, что он не при чем, но тучи все более сгущались над его

головушкой. Тогда родичи вспомнили про завещание-аманат Карасая и отправили нарочного к Толе бию. Тот тотчас сел на коня и преодолел немалый путь из Шымкента, чтобы вызволить младшего сына Карасая из беды. Обе стороны к тому времени ожесточились и не внимали никаким клятвам-заверениям.

Тогда Толе би сказал истцам:

— Если клятву Кушке подтвердит с небес дух его отца Карасая, поверите ли ему?

Истцы ответили:

— Если с вершин Небесных гор раздастся глас: "Кушке невинен!", мы поверим и тотчас прекратим тяжбу.

— В таком случае, — сказал Толе би, — завтра с утра пораньше, когда Небесная гора еще пребывает в объятиях дремы, соберитесь у ее подножья. И я вместе с Кушке приду туда.

Толе би пригласил к себе тайком своего надежного, могучего телосложения джигита, приказал ему облачиться в саван, взобраться на самую вершину Небесной горы и время от времени оглашать окрестности трубным голосом: "Сын мой Кушке невинен!"

В утренней тишине голос с вершины горы гулким эхом прокатился по ущельям и лощинам.

— Ну, слышали? — обратился Толе би к истцам. — Сам дух святого батыра заступает за своего сына.

— Слышали, слышали. Убедились, — ответствовали истцы. — Да будь благословен дух батыра Карасая!

И наступил мир между двумя родами.

* * *

Толе с детства рос смышленным, наблюдательным, находчивым. Его неизменно тянуло к людям знатным, мудрым, степенным. И белобородые старцы его охотно благословляли, углядев в нем редкий дар.

Мальчиком он однажды пришел к мудрецу Анет-баба. Старцу было сто лет. Он говорил мальчику об единстве и согласии народа.

— А что такое единство, дедушка? — спросил мальчик. — И в чем его сила?

Прежде чем ответить, Анет-баба распорядился принести ему пучок тонких и гибких прутьев.

— Сломай-ка каждый прутик в отдельности, — приказал мудрец мальчику.

Толе без усилий с треском поломал прутья.

— Ты что-нибудь понял, сынок?

— Понял, дедушка, — ответил мальчик. — Одинокого и враг одолеет, и беда сломит. Раздор к добру не приведет. Если народ живет в дружбе и согласии, то ему никакой враг, никакая напасть не страшны.

— Здраво рассудил, сынок. Предводитель должен прежде всего призывать народ к дружбе и единству. В этом смысл древней притчи. У счастья спросили: "Ты куда идешь?" "Я иду туда, где есть согласие", — ответило счастье.

* * *

У бия по имени Конка был верный друг Жыланкоз, с которым он в юности промышлял набегами и угонял под покровом ночи табуны лошадей. Жили они в разных аулах, но держались неразлучно, как родные братья. И вот Конка состарился, перевалил семь перевалов жизни и однажды сказал:

— Навещу-ка я своего друга. Как-никак в молодости вместе куролесили. Проведаю про его житье-бытье. Если он еще крепок и живет в достатке, выпрошу у него дойную кобылицу и одного верблюда для кочевки.

Сказано — сделано. Снарядился Конка в путь. И встретился ему на дороге юнец, который, как выяснилось из расспросов, тоже направлялся в аул Жыланкоза. Едут-едут всадники по степи, и в полдень встретился им табун лошадей. Уже и послеобеденное время наступило, а табуну конца-краю не видать. Тогда юнец-попутчик спросил:

— Ата, чьи эти несметные табуны? Знаете ли вы их хозяина?

— Светоч мой, — ответил би Конка. — Эти табуны принадлежат баю по имени Ненасытный.

— Что за бай такой?

— Скажу, сын мой. Ненасытный все множил, множил свои отары, все растил, увеличивал поголовье, заполнив им всю степь. Беднякам от этих отар проку нет. У Ненасытного и клочок шерсти не выпросишь.

Ехали дальше. И вдруг перед их взором открылась бескрайняя, безбрежная нива.

— Ойпырмай, ата, — поразился юнец. — Интересно, кому принадлежит эта тучная нива? Колосок к колоску, прямо стеной стоит.

— Э, дорогой, это нива богача по имени Немилосердный.

— Что за бай? Какого рода-племени?

— Э, светоч глаз моих, отвечу. Этот бай нанял батраков и повелел им распахать степь от горизонта до горизонта. А потом их обманул, ржавой копейки не заплатил. Через год нанял других, собрал зерно на кырмане, и опять всех обжулил, задарма, считай, заставил горбиться. Потом обмолот ссыпал в закрома. И снова чужими руками, сам палец о палец не ударил. Потом выждал, пока голод обрушится на степь, и начал продавать зерно втридорога. Сам же только валялся на кошмах-одеялах да брюхо тугое поглаживал. На следующий год он заставил бедолаг распахать земли в два раза больше. И удвоил урожай, нарастил жиру. И так из года в год. Богач богатеет, а бедняк все беднеет. Потому и прозвали бая Немилосердным. Понял, сын мой?

— Понял, ата!

Едут и едут. Видят: собралась толпа и роет могилу.

— Сын мой, — говорит Конка би. — Ты же зорче меня. Глянь-ка, что это за люди?

Юнец взгляделся пристально.

— Ата, покойника, видать, земле предаюют.

— Тогда съезди, узнай. Мертвеца ли хоронят или живого?

Юнец поскакал. Подъехал, учтиво поздоровался.

— Скажите, люди добрые. Вы хороните покойника или живого?

Кто-то из омраченных горем возмутился:

— Что он мелет, этот придурок?!

Другой подошел и камчой огрел всердцах нечестивца.

— Вот тебе, сын собачий!

Двое-трое молодых в досаде даже накнулись на наглого путника, но один старик остановил их:

— Стойте! — крикнул забиякам. — Сначала расспросим его. Кто он, откуда едет?

Юнец все вразумительно объяснил.

— Так о чем ты, сынок, спрашиваешь?

— Я спросил: вы хороните мертвеца или живого?

— О том, айналайын, ты сам спрашиваешь или надоумил тебя кто?

— Меня попросил о том вызнать мой спутник, почтенный человек. Я его консувод.

— Надо же! Видать, не простой человек твой спутник. С умыслом спрашивает. Не трогайте его, жигиты. Лучше приведите старца сюда.

Поскакали двое навстречу, почтительно поздоровались.

— Аксакал, — молвили. — Скончался очень уважаемый наш сородич. Вот мы его и предаем земле. Вы — божий путник. Прочтите упокойную молитву.

— А-а, ладно, — ответил Конка би и направил коня к могиле. Когда, как положено, предали покойника земле, люди обратились к старому путнику:

— Аксакал, видим, издалека путь держите. И человек вы, судя по всему, достойный. И покойник пользовался при жизни почетом. Ваш мальчик-конецвод прискакал и задал нам странный вопрос. Мы рассердились и даже пытались его поколотить за дерзость. Но он сказал, что вы его послали сюда спросить, мертвого ли мы хороним или живого.

— Все верно, — подтвердил старец. — Милости просим, объясните, как понять ваш вопрос?

— Что ж... объясню. Если хоронят человека, у которого остались потомки, достойные продолжать его дело, то такого мертвеца можно называть живым. Если же хоронят одинокого, без кола и двора, без детей-потомков, то это, милые, действительно мертвец. Вот и весь смысл моего вопроса. Так вы кого хоронили — живого или мертвеца?

— О, почтенный! Мы похоронили достойного, состоятельного человека, у которого остались и дети, и добро.

— Заверните в наш аул, будьте гостем.

— Нет, мои дорогие. Мне в аул нельзя. Я человек не домашний, а вольных степей.

По пути юнец спросил:

— Ата, что значит "человек вольных степей"?

— О, сын мой, ты, я вижу, очень наблюдательный и смысленный. Как зовут-то тебя?

— Толе, дедушка.

— Толе, светоч мой, "человек вольных степей" — это тот, кто принадлежит народу, а не себе, не аулу, не дому. Вот и тебя я встретил в степи, в пути. И я хочу поблагословить тебя. Да будь и ты человеком степи, вольным сыном народа, заступником и благодетелем его. Аминь!

Старец молитвенно огладил свое лицо.

И всю свою долгую жизнь Толе, ставший потом прославленным бием, с благоговением и благодарностью вспоминал своего давнего спутника Конка бия и почитал его своим наставником.

Этот случай произошел, когда Толе был еще мальчиком. Он пас ягнят за аулом и случайно услышал, как двое всадников, проезжая мимо, подсадовали на бия Алибека, отца Толе, будто тот уже состарился и рассудил спор не по справедливости. Мальчик встал перед ними, учтиво поздоровался, потом сказал:

— О, почтенные, вы довольны решением моего отца или огорчены?

— Огорчены, дорогой. Отец твой рассудил не по справедливости.

— Тогда возвращайтесь.

Когда обе спорящие стороны вновь предстали перед бием Алибеком, Толе сказал:

— Отец, обе стороны должны быть удовлетворены решением судьи. Иначе суд не может считаться справедливым. И выигравший, и проигравший должны быть убеждены в справедливости решения.

— В таком случае, сынок мой, ты их сам и рассуди.

Толе вынул сначала, в чем суть тяжбы. Истец пожаловался, что узнал своего верблюда, потерянного еще верблюжонком, в караване ответчика.

— Врет он! — отрезал торгош-караван-баши.

— Ладно, — ответил Толе. — Сказано: "Обретший да возрадуется; узнавший свою потерю обретет ее". Каким образом ты, почтенный, узнал своего верблюда?

— А вот как. Перед тем как разродиться, моя верблюдица, ища уединения, ушла в горы. Нашел ее через неделю. Она металась по склонам гор взад-вперед и сокрушенно ревела. Если бы верблюжонок родился мертвым или его задрали волки, верблюдица оставалась бы стоять на месте. И я сразу догадался, что верблюжонок выкрали. С тех пор я вглядываюсь в каждого приезжего, в каждого верблюда и вот узнал своего атана в караване.

Толе, немного подумав, спросил:

— А верблюдица-мать жива?

— Жива.

Толе обратился к ответчику.

— Говори, купец!

— Этот верблюд — приплод моей верблюдицы. Истец клеветает на меня. Разве мыслимо узнать верблюда по еще не родившемуся приплоду?

— А мать спорного верблюда еще жива?

— Жива.

— Тогда приведите обе верблюдицы.

Через несколько дней обе стороны привели своих верблюдиц.

— Свалите спорного верблюда, — распорядился Толе. — Наложите на бедро ему волосяной аркан и стяните покрепче палочкой-закруткой.

Так и сделали. Когда волосяная удавка, стянутая до звона, впилась в бедро верблюда, он дико заревел от боли, и тогда верблюдица истца, роняя крупные слезы, сорвалась с привязи и ринулась на помощь ревущего атана. А верблюдица торговца стояла в сторонке и равнодушно продолжала жевать свою жвачку.

— Оу, народ! — обратился Толе к собравшимся. — Вы убедились: вот настоящая мать атана. Видите: сразу отозвалась на боль своего чада.

— Верно, — согласилась толпа. — Скотина не ошиблась. Справедливо рассудил Толежан.

Толе обернулся к торговцу.

— Так вот, почтенный. Скотина убедительно все доказала. Всем ясно, кому принадлежит атан. Лучше сознай свой грех и покайся перед людьми. Честно скажи, как все было.

— О, миряне правоверные, — сказал торговец-караванбани. — Пять лет тому назад

по пути из пустыни в город я встретил у склона гор одинокую ожеребившуюся верблюдицу. Верблюжонок был слаб, никак не мог устоять на ножках. Увести верблюдицу я не решился. Кто-нибудь в ауле увидел бы да ославил бы на всю степь. А я ведь не вор, а честный торговец. Заберу верблюжонка — никто и не приметит. Заверну в алашу, да упрячу среди тюков. А через год станет верблюдом. И буду я с прибылью. Так я рассудил. Шайтан попутал. Виноват — накажите. Ваша воля.

— Пусть наказание тебе вынесет сам юный би! — загудел народ.

И мальчик Толе решил:

— Люди добрые, вы свидетели того, что получилось. Вот этот жигит достиг своей доли честным трудом. И справедливость восторжествовала. А этот купец намеревался обманом достичь удачи. Но только сам себя разоблачил и покрылся позором. Да будет это уроком для всех нечестивцев. Большого наказания и быть для него не может.

* * *

К тяжело больному бию Акбота собрались как-то аулчане, поговорили о том, о